

МНОГОЛИКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ – МОДЕРНИЗАЦИЯ ТУВЫ

Ч. К. Ламажаа¹

Аннотация: В статье представляется авторский взгляд на проблему модернизацию Тувы, приобретающей особое значение в свете провозглашенного официального курса России на модернизацию президентом страны Д. Медведевым.

Ключевые слова: Россия, президент, послание, курс развития, модернизация, Тува, культурные особенности.

MODERNISATION OF RUSSIA - MODERNISATION OF TUVA

Ch. K. Lamajaa

Abstract: Article presents the author's vision of a Tuvan modernisation problem which gains special significance in accordance with an official course of Russia to modernization, proclaimed by President D. Medvedev.

Keywords: Russia, President, message, development course, modernisation, Tuva, cultural features.

В своем Послании Федеральному собранию РФ 12 ноября 2009 года президент России Дмитрий Медведев провозгласил курс на всестороннюю модернизацию страны. Предварительно глава государства впервые сделал публичную «апробацию» своих идей: опубликовал статью в Интернете для всенародного обсуждения. Соответственно всю осень 2009 года общественно-политический дискурс страны целиком и

¹ Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна – кандидат философских наук, главный редактор журнала «Новые исследования Тувы».

полностью посвящен президентским словам о прошлом, настоящем и будущем России. Ученые, политики, интеллигенция – все обсуждали и обсуждают послание Д. Медведева, оценивая его сообразно своим политическим убеждениям, теоретическим воззрениям, в соответствии со степенью лояльности к власти и пр.

Ученый мир в целом отнесся к новому официальному курсу со сдержанным оптимизмом. Действительно, не может не радовать утверждение идей, направленных на дальнейшее развитие, после десятилетий застоя, перестройки, анархии, кризиса, стабилизации... Страна прошла самые тяжелые периоды после краха советской системы, обрела относительную экономическую опору, вернула имидж великой державы на мировой геополитической карте, и теперь перед ней ставятся сверхзадачи, в которых большое значение придается знаниям, интеллекту, образованию, науке. Д. Медведев хочет видеть российское общество «обществом умных, свободных и ответственных людей», а не архаичным, в котором за всех все думают и решают вожди. При этом, по его мнению, должны измениться мы сами. «Необходимо преодолеть широко распространённые представления о том, что все существующие проблемы должно решить государство или кто-то ещё, но только не каждый из нас на своём месте. Личный успех, поощрение инициативы, повышение качества общественной дискуссии, нетерпимость к коррупции должны стать частью нашей общенациональной культуры, именно частью общенациональной культуры».

Весь пафос цитируемого послания несомненно состоит в том, чтобы не только показать намерения власти вести Россию к светлому будущему, но и побудить самих россиян стать модернизаторами, строителями обновленной страны. По сути объявлена стратегия мирной мобилизации. Глава государства перечислил конкретные направ-

ления для осуществления модернизации, для преодоления барьеров на ее пути – как властью, так и обществом.

Помимо всего прочего, многих сторонников идеи модернизации, к которым принадлежу также и я¹, конечно же, не может не порадовать обретение термином «модернизация» нового статуса – официально провозглашенного курса развития страны. Но оптимизм этот, как я уже сказала, сдержанный, основанный на понимании: между декларациями и реальностью, между задумкой и результатами в истории России почти всегда был разрыв («хотели как лучше, получилось как всегда...»).

Кроме того, сам главный термин в упомянутом послании... не имеет определения, оно размыто. В документе можно встретить выражения самого широкого, повседневного, обыденного толкования: «всесторонняя модернизация», «модернизация России», «последовательная и системная модернизация», «модернизация экономики», «модернизация и техническое обновление», «направления модернизации», «технологическая модернизация», «модернизация государственного сектора», даже «серьезная модернизация» и другие. При этом здесь нет подробного объяснения того, что такое модернизация, как сам президент понимает суть этого явления. А отсутствие четких определений, как это часто бывает, порождает разнонаправленность действий, разные толкования и даже спекуляции на тему.

Также, у теоретиков есть опасения по поводу того, что в практике государственного управления утвердится только ориентация на технологические новации. Что вполне может быть в ситуации размытости понимания того, что есть главное направление – модернизация.

Модернизация в политике, в публицистике, в обыденных представлениях часто выступает синонимом всех прогрессивных социаль-

ных изменений. В науке от такого упрощенного подхода уже давно отошли. Модернизацию обществоведы, во-первых, отождествляют с комплексом социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций, происходивших на Западе с XVI века и достигших своего апогея в XIX—XX вв. Сюда включаются процессы индустриализации, урбанизации, рационализации, бюрократизации, демократизации, доминирующего влияния капитализма, распространения индивидуализма и мотивации успеха, утверждение разума и науки, а также многое другое. Кроме того, как пишет польский социолог П. Штомпка, термин «модернизация» относится к процессам, происходящим в отсталых, слаборазвитых странах. Так характеризуются их усилия, направленные на то, чтобы догнать ведущие, наиболее развитые страны, которые сосуществуют с ними в одном историческом времени, в рамках единого глобального общества².

Модернизацию в общих чертах определяют как процесс перехода общества от традиционного состояния к современному. При этом «традиционные общества, — пишет В. Г. Федотова, — это общества, воспроизводящие себя на основе традиции и имеющие источником легитимации активности прошлое, традиционный опыт»³. Их характерные черты: зависимость в организации социальной жизни от религиозных или мифологических представлений; цикличность развития; коллективистский характер общества и отсутствие выделенной персональности; авторитарный характер власти; преобладание особого психического склада — недействительной личности и пр. Современному же обществу характерны: преобладание инноваций над традицией; светский характер социальной жизни; поступательное (нециклическое) развитие; выделенная персональность; преимущественная ориентация на инструментальные ценности; демократическая система власти и др. Так как черты

традиционного и современного обществ прямо противоположны друг другу, процесс перехода, по Федотовой, является сложным, драматическим, длительным.

В процессе модернизации теоретиками главным считается изменение культурных ценностных оснований общественной жизни. К тому же успех Японии и Юго-Восточной Азии показал миру опыт, который не вписался в классические теории. В этих регионах старые ценности явились источником институтов современности, показывая тем самым новый тип развития — постмодернизацию, то есть новый виток модернизации на основе культуры. Страны миновали некоторые этапы западного развития, особенно болезненные процессы смены идентичности на западную.

Тема культурной ценностной основы для модернизационных задач России хоть и прозвучала в послании Д. А. Медведева (в том числе президент говорил о воспитании нового поколения с новыми ценностными ориентирами), но все же осталась как бы второстепенной. Это оставляет в тени проблему национального характера модернизации и, в частности, региональных проблем модернизационного развития страны. Но ведь провозглашенная модернизация России влечет за собой постановку и решение задачи модернизации и каждого из ее регионов, в том числе нашей республики. Региональный аспект здесь очень важен. Мобилизация инновационного потенциала в обществе, мобилизация сознания, поведения не может не затрагивать проблемы особенностей национальных стереотипов, поведенческих установок, традиций.

Например, в Туве слишком много особенностей, слишком много национального для того, чтобы быстро подхватывать и проводить в жизнь общую политику федерального центра.

Не говорю о том, что Туву с ее «тувинскостью» невозможно в принципе модернизировать. Напротив, я всегда выступала и выступаю за необходимость этого. Но при этом я пытаюсь обратить внимание на те нюансы, которые политики, управленцы часто отбрасывают в стараниях подтянуть, отчитаться, доложить, выполнить, сосчитать. Причем не по тому, что отрицают их важность. Проблема в том, что речь идет о сложных материях – культура, духовность, ценности, традиции, – неизмеримых процентами, долями, суммами, и потому не любимых практиками с экономическим подходом к делу. Культурные особенности вроде бы и признаются, но так как их сложно подогнать под статистику, то с ними особо не церемонятся, все, что называется культурой, относят к деятельности соответствующих ведомств, которые финансируются далеко не лучшим образом...

Поэтому главные вопросы, которые необходимо решать в первую очередь для осуществления задач модернизации в Туве, это – совмещение культурных традиций тувинцев с данными задачами. Причем это должно быть заложено в стратегии регионального развития как базовые принципы.

Причем подчеркну именно слово «совмещение», гармонизация, т.к. важным также является вопрос: «Что является первым фактором перемен — культура или экономика?». И однозначного ответа на него нет, так как практика успешных государств мира демонстрирует и тот, и другой вариант расклада. Если автократические режимы, сильная власть в государстве начинают грамотные социальные преобразования, причем с «низов» общества, как это делалось, например, в Китае, Южной Корее, Тайване и др., то экономическая модернизация впоследствии неизбежно приводит к необходимости модернизироваться и самой общественной системе. Сытое, крепко стоящее на ногах население,

умеющее зарабатывать, конкурировать, становится способным артикулировать свои интересы, пытается влиять на ход политических процессов и ему, в конце концов, это удастся. Но есть и развивающиеся страны, в которых культурный каркас не дает ходу самим экономическим реформам.

Исследователи процессов модернизации в разных регионах мира сами же признают, что не всегда одни и те же политические, экономические меры приводят к одинаковым результатам. Фактор культуры заключается в наличии инновационного потенциала в политической элите общества, которая инициирует реформы, осуществляет их. А, кроме того, речь идет том, какие есть инновационные резервы в культуре, насколько она гибка для изменений.

Советские преобразования также делали главный упор на экономику, и результаты первое время были положительными. Но ущербность политического управления и однобокость экономической системы привели к возникновению культурной травмы в обществе.

Поэтому важна комплексность преобразований, учет всех факторов, совмещение, гармонизация традиций с инновациями, с реформами. План модернизации Тувы должен ориентироваться на сверхзадачу и использовать культурный потенциал, не противореча ему в практической деятельности. Важно определить не только пути модернизации как таковой, а изначально попытаться найти формулу тувинской модернизации, чтобы она была и успешной в экономическом, политическом, социальном планах, но также позволила в попытке осовременить общество сохранить его тувинскую специфику.

К числу элементов этой специфики я отношу в первую очередь систему социальных связей и институтов в тувинской культуре. От того, насколько эта система гибкая, сколько в ней связей разного харак-

тера между социальными институтами, какие социальные отношения, зависит много в деле успешного, мирного реформирования, модернизации общества.

Основным социальным институтом в традиционном тувинском общества был род, в котором сосуществовали несколько поколений кровных родственников из нескольких семей. В течение XX века этот институт подвергался значительным воздействиям в результате целенаправленной государственной политики Советской страны. Однако, как показали 1990-ые годы с возрождением многих традиционных форм поведения, отношений в тувинском обществе, в том числе по линии родовых связей, этот культурный столп все же устоял. Родственные отношения для тувинцев, в том числе современных, молодых, продолжают сохранять актуальность, важность, ценность.

Особое внимание в связи с этим необходимо уделять основным ценностям, характерным для родственных отношений. Например: ценности взаимного доверия, уважения, обязательности, взаимопомощи – внутри родового круга. Извне, между отдельными родами присутствуют отношения соперничества, определенной соревновательности. И хотя они отягощаются порой ревностью, завистью, недоброжелательностью, в целом весь этот комплекс качеств не противоречат ценностям современного, модернизированного общества. Важно лишь выстроить имеющееся в нужном русле, использовать рационально, опираясь на практическую мудрость народа.

Чувство соперничества между тувинскими локальными группами, состязательность нужно расценивать не только и не сколько как неизменный факт. Степень его проявления зависит от социальных условий. Во-первых, это явление присуще ситуации нестабильности, когда люди ощущают вокруг себя и своего узкого круга враждебность,

замыкаются. Во-вторых, даже в условиях нестабильности, точнее процесса налаживания социальной обстановки, его также можно корректировать, направлять в иное, конструктивное русло, воздействуя через систему семейного воспитания. Ключевым элементом в этом деле должна стать идеология цивилизованных достижений, успеха, когда соперничество между группами расценивается как форма соревнований в области профессиональной деятельности, в развитии форм хозяйствования и пр.

Как таковой артикулированной, обоснованной, «детализованной» ценности «успеха», «достижения» в тувинской культуре, также как и в других культурах тюрков, не было. Однако, само понятие в тувинском языке существует: «чедиишкин» («успех», «достижение»)⁴. Производные слова — «чедимче» («успех», «удача», «достаток»), «чедимчелиг» («успешный», «удачный», «имеющий достаток»), — говорят о том, что представления об успехе у тувинцев связывались с материальным достатком. Для кочевых культур в целом ученые выделяют, прежде всего, такие ценности как «благополучие», «гармония», «состоятельность»⁵ и др., подразумевающие приверженность носителей культуры определенным коллективистским канонам, соответственно направляющих свои усилия не на индивидуальные прорывы, достижения, а на поддержание принятых порядков. Тем самым, подчеркну, что достигательная ценность в тувинской культуре существовала, выражаясь в категориях богатства, владения, сытости человека, наличия у него детей и пр.

Опасения теоретиков по поводу скромности трудовой мотивации тувинцев — людей экологической культуры — и их нежелания обогащаться, отсутствия у них склонности к сбережениям на деле не оправданны.

В тувинской культуре труд же воспевается как одна из самых больших ценностей, как основа человеческого благополучия, гарант

его сытости. Осуждению подвергается не активная деятельность как таковая, а несоразмерность своих действий с возможностями окружающей среды, то есть не соблюдение религиозных предписаний, ограничений. Различается деятельность как активно «продуктивная» (выращивание скота, возделывание земли и пр.) и пассивно «добывающая», когда человек не прикладывает усилия по созданию для себя пропитания, а лишь берет готовое (охота, собирание). И предпочтение отдается первому типу труда, так как он подразумевает большее приложение усилий.

В народной этике также порицается тот, кто, имея много богатства (даже приумноженного своим трудом), не соблюдает норм социальной справедливости, т.е. не делится частью своего богатства с родственниками, с бедными.

Понятие судьбы («салым») также имеет большое значение в тюркской культуре, связываясь с идеей спущенных сверху божественных решений (соответственно переводясь одновременно как «определение», «распоряжение», «закон»⁶). Судьба человека считалась предопределенной свыше, однако, как подчеркивают исследователи, предопределенность не означала абсолютной необратимости.

«Подчиняясь воле божеств, традиционное сознание оставляло за собой право на инициативу. Отношения с иным миром строились на договорных началах. Поэтому божества, пользуясь статусом старших, несли ответственность за своих младших партнеров. Это, в свою очередь, налагало на людей — участников диалога — определенные обязательства. Строгое соблюдение условий договора: своевременные жертвоприношения, регулярное кормление духов, точное следование нормам ритуалов — обеспечивало благополучие социума»⁷. В этих, довольно точно сформулированных учеными положениях видится свое-

образный социально-религиозный контракт, который может быть почти без изменений экстраполирован на современную жизнь.

Разбогатевший (в области производства, в сфере услуг или в других областях профессиональной деятельности) предприниматель — «новый тувинец», который приложил массу усилий для процветания своего дела, может восприниматься в обществе весьма положительно. Другое дело, что нувориши смогли появиться лишь в 1990-ые годы, когда бизнес складывался в условиях законодательного вакуума и руководствовался «волчьими» правилами. В целом же, успешного предпринимателя, не замеченного в связях с криминалом, могут уважать, им восхищаются и гордятся. Однако, отношение к бизнесмену будет негативным, если он, во-первых, не будет помогать своему «узкому кругу» — родственникам, во-вторых, не будет участвовать в общественной благотворительности (помогая тем самым «широкому кругу»), и, в-третьих, если он будет игнорировать традиционные религиозные ритуалы. В последнем случае не будет иметь значения, в действительности ли человек религиозен, главное — чтобы он отдавал дань традициям, посещал храмы или шаманские камлания, поднося церкви свои щедрые дары, приглашал на семейные мероприятия лам, шаманов, старался соблюдать их предписания. Осуждается леность и скупость, а не трудолюбие и щедрость.

Тем самым, очевидно, что система социальных институтов, основных ценностей тувинской культуры вполне может быть совместима с ценностями модернизации. Даже несмотря на тот факт, что провозглашенная модернизация России как официальный курс при более пристальном рассмотрении кажется довольно размытым по очертаниям процессом, это не снимает с нас задач теоретизировать и действовать в направлении улучшения жизни в одном из конкретных ее регио-

нов – отсталом экономически, богатом на культурные особенности и производственные ресурсы, и перспективном в целом на развитие.

-
- ¹ См.: Ламажаа Ч. К. Теория модернизации и история Тувы // Новые исследования Тувы. №№ 1-2 2009 г.: http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/111-modernization.html, Ламажаа Ч.К. Тува между прошлым и будущим. М., 2008.
- ² Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 170-172.
- ³ Федотова В. Г. Хорошее общество. М., 2005. С. 166.
- ⁴ Тувинско-русский словарь. М., 1968. С. 525.
- ⁵ См.: Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, 1988.
- ⁶ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб, 1893. Т. 1, ч. 2. Ст. 1117.
- ⁷ Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск, 1989. С. 141.